

И.А. Назарова¹

РАЗВИТИЕ КОЛИЧЕСТВЕННОГО И КРЕДИТНО-
ДЕНЕЖНОГО ПОДХОДОВ В РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.
(к 170-летию А.А. Исаева)*

Ключевые слова: *количественная теория денег, кредитная теория денег, золотой стандарт, бумажные деньги, кредитный портфель Госбанка, модель государственных кредитных денег.*

*«Задача науки – привести явление к тому началу,
которое наиболее объективно...»*

А.А. Исаев

Денежная система: проблемы и альтернативы современности

Хозяйственно-политическая нестабильность настоящего времени в мире является отражением сложного процесса перехода к новым технологиям. Востребованность теорий денег, их развитие происходит вслед за изменениями в денежной системе и денежной политике государства, происходящие в периоды смены технологических укладов. Деньги, выступая в роли универсального инструмента обмена, характеризуют степень экономического благополучия (или глубины кризиса) и «здоровья» политической системы страны. Формирование новых силовых центров в процессе накопления транснациональных капиталов вновь ставит политиков и ученых перед выбором вектора хозяйственного развития. Перспективы выбора, – усиление роли государства в народном хозяйстве или либерализация и снятие ограничений в сфере кредитно-денежного обращения с последующей утратой экономического суверенитета страны, – находят выражение в *современной (монетарной) теории денег* и в «новом прочтении» *теории государственных денег*, с обоснованием которой выступил в начале XX века немецкий экономист Г.Ф. Кнапп.

Представители влиятельных финансовых групп, не предлагая принципиально новых концептуальных подходов в сфере денежного обращения, ставят экономистов и правительства перед суровой альтернативой – выбором ничем не ограничен-

¹ **Назарова Ирина Александровна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики Института Технологий управления «МИРЭА – Российского технологического университета», Москва, Россия (mitht.ira@yandex.ru).

***Цитирование:** Назарова И.А. (2021). Развитие количественного и кредитно-денежного подходов в российской экономической литературе (К 170-летию А.А. Исаева) // Вопросы политической экономии. №3 (27). С. 137-153.

DOI: 10.5281/zenodo.5554129 (<https://zenodo.org/record/5554129>)

ной эмиссии денег при практическом устранении государственного регулирования конъюнктуры с одной стороны, или привязкой денежной системы к «печатному станку» в государстве с другой стороны. Интересы противостоящих друг другу мощных финансовых групп становятся ключевым фактором, определяющим допустимые пределы валютного творчества представителей национальных правительств.

Лидеры финансовой группы Ротшильдов являются сторонниками либерализации кредитно-денежных отношений и устранения государства с «поля» валютно-финансовых игр (Дж. Сорос, П. Уокер, Дж. Сакс, Г. Браун и др.). Они выступают за оборот наднациональных денег (региональных валют) и золота. Свободный и не ограниченный государственными институтами «безвизовый» режим циркуляции мировых валют отражает их целенаправленное движение к монополизации хозяйственного пространства, когда регулирование экономических процессов будет проводиться исключительно в интересах крупного финансового капитала. На закрытой конференции, посвященной 70-летию Бреттон-Вудской системы (апрель 2014 г.), проводимой по инициативе Дж. Сороса, в качестве наиболее важных вопросов были выделены проблемы перехода к наднациональным деньгам в процессе перестройки мировой финансовой системы и создания мирового эмиссионного банка (Катасонов, 2014. С. 294). Желание реанимировать прежнюю систему под названием «Бреттон-Вудс-II» отвечает их интересам.

Перспективы упразднения национальных денежных систем в случае создания мирового эмиссионного банка могут приобрести весьма реальные очертания (Е. Ригел, Б. Клайн, Ф. Хайек). Работа в этом направлении уже ведется, например, Р. Манделл выступил с планом создания мировой валютной системы, подконтрольной транснациональному центральному банку. Однако данный эмпирический план не имеет теоретической основы, и препятствием к его реализации в ближайшее время служит неравномерность экономического развития многих стран. В качестве валютной системы переходного периода рассматривается возможность параллельного обращения нескольких национальных и региональных валют.

Их оппоненты, представители финансовой группы Рокфеллеров, как главные акционеры Федеральной резервной системы США, контролирующей рынок «черного золота» и деятельность ВПК, отстаивают сохранение бумажных денег (долларов). Сторонники этого подхода (У. Мослер, С. Келтон и др.) пытаются реанимировать государственную теорию денег, с которой выступил в начале XX века Г.Ф. Кнапп, один из представителей номиналистического подхода. Обращение к этой популярной сто лет назад теории денег открывает все еще увлекательный для стран-эмитентов мировой валюты проект «подпитки» собственной экономики, чтобы решение американских проблем бюджетного дефицита переложить на бюджеты других стран, превращая их в свои валютные колонии.

В контексте конкуренции этих двух позиций происходит возрождение интереса к золоту, свидетельствующему о хронической финансово-экономической нестабильности в современном мире. С целью возвращения золоту статуса действительных денег создаются проекты, направленные на укрепление бумажно-денежного обращения на золотой основе¹.

¹ Заслуживают внимания идея выпуска «золотой карты» («комбислитка») швейцарской компанией Valcambi, план введения в оборот швейцарского франка с золотым обеспечением, создание денежных систем, называемых электронным золотом (e-Gold), и некоторые другие проекты (Катасонов, 2014. С. 264-266).

В связи с этими попытками «нового прочтения» теоретического наследия прошлого, на наш взгляд, актуальным становится анализ ключевых положений количественной и кредитной теорий денег в российской экономической науке. Значимость вопросов, решаемых в теориях денег, в настоящее время трудно переоценить. Изучение количественного и кредитно-денежного подходов помогает выделить в ходе эволюции хозяйственной системы этапы «взросления» научной мысли в сфере денег, денежного обращения и экономической теории в целом.

Количественная и кредитно-денежная концепции денег: выбор направления хозяйственной политики

Становление бумажно-денежного обращения (XVIII в.) и переход к кредитно-денежной системе (XIX – начало XX вв.) способствовали развитию теорий денег, научного анализа их природы, функций и роли в народном хозяйстве. Реформирование денежной системы – это сложный процесс приведения ее в соответствие с характером обмена и господствующими формами собственности, ролью частного и государственного кредита в экономике страны. В этом процессе объективная необходимость, вызванная технологическими изменениями производства, хозяйственно-политические факторы (например, потребности государственного бюджета) переплетаются с интересами отдельных сословий. Выбор орудий обращения на основе принципа золотого стандарта или кредитных банковских денег, обеспеченных ценными бумагами, фактически закрепляли экономические права привилегированных сословий и отдельных представителей финансово-кредитной сферы. Горячие теоретические «баталии», развернувшиеся по поводу определения ценности и роли денег в обмене в XIX веке, защищая эти интересы, стали отражением хозяйственных проблем, связанных с ростом промышленного производства и формированием крупных банковских капиталов.

Первые представления о стабилизации курса бумажной валюты (при крайней заинтересованности государственных деятелей в сохранении эмиссионных доходов) являлись эмпирическими мерами количественного характера. Идеи известного шотландского финансиста Дж. Ло, который подчеркивал значение кредита, многократно увеличивающего оборот ценностей и государственного богатства (находясь под впечатлением положений меркантилистов, он, тем не менее, предвидел усиление роли кредита в ближайшей перспективе), можно отнести к попыткам осмысления роли кредитно-денежных инструментов в экономике с точки зрения количественного подхода.

Первые высказывания количественного характера были сделаны Л. Монтескье и Д. Юмом. Они отрицали наличие внутренней товарной ценности благородной монеты, считая, что «встреча» денежных и товарных масс на рынке определяет уровень цен и зависит от их количественного соотношения.

В классической теории деньги рассматривались как специфический товар, имеющий «субстанциональную ценность» (товарно-металлистический подход). С теоретическими положениями количественной концепции в начале XIX в. выступил Д. Рикардо. Миклашевский А.Н. считал предположение Д. Рикардо о неизменности наличных запасов золота на рынке ошибочным. На самом деле изменение спроса на золото происходит под влиянием законов товарного обращения, в зависимости от величины общественно необходимых затрат труда и средней нормы при-

были, замечал российский ученый. Количественный фактор в ценности денег не играет решающей роли, хотя иногда возможны некоторые отклонения от закона стоимости.

Дискуссии представителей двух английских школ («денежной» и «банковской») в 40-е годы были направлены на определение принципов и механизмов обращения кредитных денег и правовых полномочий их регулирования альтернативными институтами, государственными или частными. Представители «денежной» школы (С. Оверстон, Р. Торренс и др.) считали, что государство имеет привилегию на выпуск бумажных денег, количество которых следует (во избежание роста цен, инфляции и кризисов) ограничивать размерами золотого резерва страны. Лидеры банковской школы (Т. Тук и Дж. Фуллартон) выступали против жесткого ограничения банкнотной эмиссии. Школа защищала интересы торгово-промышленной и финансовой буржуазии, считая, что для банкнот необходимо иметь кредитное обеспечение. Экономисты «банковской» школы в качестве основы новой денежной системы предлагали использовать кредитный портфель Банка, с появлением которого значение металлического разменного фонда отступит на второй план¹.

Эти теоретические «баталии», на наш взгляд, определили границы «территорий», которые разделили интересы представителей государственного и частного кредита. Усилия лидеров «банковской» и «денежной» школ были направлены на определение возможностей и «потолка» эмиссии кредитных денег и правомочий Английского банка, учитывая негативный опыт свободного выпуска банкнот различными частными банками в XVIII веке.

Сторонники кредитной концепции денег (теории «доверия»), получившей развитие во второй половине XIX в., продолжали развивать положения «банковской» школы. Например, Г. Маклеод, Ф. Бастиа давали определение кредитных денег как долгового документа, свидетельства на оказанную услугу обществу. Г. Маклеод, финансист, директор «Королевского британского банка» потребность в деньгах выводил из неравенства в обмене. Когда документ об отсроченном платеже стал передаваться третьим лицам, то долг материализуется в денежных знаках, которым общество доверяет. Отсюда и происходит название теории «доверия».

Дж. Ст. Милль, не являясь последовательным сторонником этого подхода, видел в кредите покупательную силу, независимую от денег и допускал, что в будущем он сможет заменить деньги в обращении. Специалист в области кредитно-денежного обращения, французский экономист П. Леруа-Болье, убежденный сторонник свободного рынка (предшественник современных неоклассиков), считал, что естественная система банковской организации предполагает невмешательство в ее дела со стороны правительства, которое должно заниматься только определением правил ответственности и введением санкций. В этом случае банкир получил бы права частного торговца и доходы от выпуска банкнот и операций с ними.

Рассматривая эти концепции, важно понимать, что классическая теория ценности товаров и денег служила основой, необходимой для понимания сущности и функций денежных знаков. Лидеры «денежной школы» (С. Оверстон, Р. Пиль) сместили акценты с научного исследования особенностей металлического, бумажно-

¹ Лидеры «банковской» школы брали на вооружение принципы английской банковской политики XVIII в., когда каждый крупный банк имел право выпускать свои банкноты, проводя дисконтные операции. – И.Н.

го и кредитно-денежного обращения. Они пытались решить задачи повседневной бюджетной практики, поэтому не замечали разницы между монетой и бумажными знаками, и считали, что бумажные заместители благородной монеты могут выполнять все ее функции. Представители «банковской школы» (Т. Тук, Дж. Фуллартон) обратили внимание на различие функций бумажных и кредитных знаков и на способы их эмиссии. Однако, как они полагали, надежное товарное обеспечение банкнот исключало их выпуск сверх потребностей оборота. Такое понимание задач денежного обращения отвечало интересам представителей коммерческих структур.

В российской экономической литературе (несмотря на концептуальные различия) понятие ценности сохраняло свое базовое значение и являлось отправным пунктом в сравнительном анализе особенностей оборота различных денежных знаков (таблица 1). Подчеркивалось, что закон, придавая деньгам свойства легального платежного средства, лишь подтверждает результаты хозяйственной эволюции.

Таблица 1.
Российские экономисты о законах формирования ценности монеты

<i>Экономисты</i>	<i>Законы, оказывающие влияние на ценность денег</i>
Л.В. Федорович	- общий закон формирования ценности товаров и - специфический закон спроса на драгоценные металлы (потребности народного хозяйства в орудиях обращения, в благородных металлах, предметах роскоши и хозяйственного обихода).
А.Н. Миклашевский	общественно необходимые затраты труда и динамика средней нормы прибыли.
М.И. Туган-Барановский	ценность денег есть выражение конъюнктуры товарного рынка (включая комплекс институциональных инструментов регулирования).
А.А. Мануйлов	ценность благородного слитка зависит от затрат на производство и утвержденной законом монетной стопы (веса монеты).

Источник: составлено автором с использованием работ: (Федорович, 1888; Миклашевский, 1895; Туган-Барановский, 1919; Мануйлов, 1918. С. 61).

Н.И. Зибер, представитель марксистского «крыла» экономической мысли, подчеркивал, что деньги становятся универсальными соизмерителями в ходе *материализации общечеловеческих затрат труда*, которые остаются мерилем ценности и при «бумажном» обращении. Выполняя функции всеобщего эквивалента, деньги приобретают *новые функции, которые «отодвигают» на второй план свойство служить предметом потребления в первоначальном смысле.*

Аргументы количественного и кредитно-денежного «либерализма» в России

Рынок и государство – два противоположных лагеря с точки зрения группировки хозяйственных сил, с учетом интересов которых формировались денежные системы различных стран. Развитие теорий денег в России не являлось исключением и происходило под влиянием борьбы сторонников «рыночных» и «государственных» начал.

С аргументами количественного характера в начале XIX века выступил известный финансист Н.И. Тургенев. Сторонник свободной от государственного регули-

рования рыночной циркуляции денежных знаков, он проанализировал причины банкротства Банка Дж. Ло и выделил три ключевых фактора развития инфляции: обмен банкнот на монеты низкого качества, дополнительные выпуски ассигнаций в счет расходов правительства, повышение нарицательной стоимости денег и введение принудительного курса. Н.И. Тургенев считал свободную миграцию благородной монеты на мировом рынке надежной гарантией от злоупотреблений правительства в сфере кредитно-денежных отношений (Тургенев, 1819; Назарова, 2020б. С. 31). Внутренний и внешний рынки, по его представлению, это «территории» для свободной, никакими институтами не ограниченной миграции благородной монеты, способствующей восстановлению их ценности.

Известный историк политической экономии и специалист в сфере денежного обращения А.Н. Миклашевский в «лагерь» сторонников количественного подхода включил М.М. Сперанского и Н.С. Мордвинова, называя их ревностными «партизанами количественной теории денег» (Миклашевский, 1895. С. 579).

На наш взгляд, идеи М.М. Сперанского и Н.С. Мордвинова, выступивших с проектами денежной реформы 1839-1843 гг., нельзя полностью отнести к количественному подходу: в их программах положения количественного характера были дополнены введением кредитных знаков на серебряной основе. Как государственные деятели, они исходили из необходимости создания кредитно-денежной системы, в которой интересы правительства, стабильность кредитного рубля, возможности внутреннего кредита, и отчасти потребности предпринимателей, начинающих набирать хозяйственный опыт, могли бы сочетаться, обеспечивая финансовыми ресурсами бюджетные расходы. Крепкий курс кредитного билета, представлявшего серебряный рубль, мог пресечь операции валютного арбитража с ассигнациями, приносившими доходы иностранным коммерсантам. С учетом решения этих задач были намечены контуры новой государственной кредитно-денежной системы.

М.М. Сперанский в «Записке о монетном обращении» подчеркивал, что необходимость использования кредитных денег объяснялась *невозможностью удовлетворения всех потребностей частного и общественного оборота с помощью благородной монеты*. Металлические деньги одни «...не могут удовлетворить всем потребностям частных и общественных дел. Для сего надлежало бы, не говоря уже о частных людях, *самому правительству содержать в запасе двойной или тройной годовой запас его доходов*» (Сперанский, 1895. С. 5). «Кредитные» заместители монеты расширяли возможности хозяйственной инициативы государства.

С помощью бумажных денег¹, подчеркивал он, *издерживались средства*, поступающие в казну в виде податей *в счет будущих доходов*. В этом денежном потоке ассигнации играли роль «зачетных квитанций», долговых документов внутреннего беспроцентного государственного займа. *Государственными кредитными деньгами* М.М. Сперанский назвал новые денежные знаки, выпуск которых был основан на действии принципа серебряного стандарта, поддержании непрерывного размена и возможности дополнительных выпусков в чрезвычайных ситуациях.

¹ Используя понятия «бумажные» и «кредитные» деньги, мы имеем в виду ассигнации, находившиеся в обращении с 1769 г. и эмитируемые Ассигнационным банком с целью погашения дефицита государственного бюджета, и кредитные деньги, как временные заместители серебряного рубля, вошедшие в обращение по завершению денежной реформы 1839-1843 гг. – И.Н.

Разработчики этой системы разделяли положения классической школы о трудовой ценности материальных благ, необходимости соблюдения баланса интересов государства и субъектов рынка. Однако они понимали, что использование количественных инструментов регулирования денежных потоков расширяло возможности государственного кредита. Государственная система кредитных денег, у истоков которой стояли М.М. Сперанский, Е.Ф. Канкрин и Н.С. Мордвинов, считавший необходимым для укрепления курса рубля создание сети банков, стала моделью, которая получит развитие в конце XIX века (Назарова, 2020б. С. 33-35).

Убежденными российскими приверженцами «либерального крыла» кредитной теории денег во второй половине XIX в. были И.В. Вернадский и *Е.И. Ламанский*. Отвергая государственную монополию на кредитно-денежные операции, они защищали идею представителей частного кредита и выступали за освобождение рынка от государственной опеки. Е.И. Ламанский считал необходимым создание новой структуры Госбанка на акционерных началах, в котором инициатива правительства будет строго ограничена третью капитала. Предполагалось, что система кредитных денег, выпускаемых под залог долговых обязательств, будет служить гарантией стабильности валютных курсов и цен.

Известный историк экономики В.П. Безобразов подчеркивал, что *характер денежной системы может оказывать сильное воздействие на народное хозяйство в целом*. Действующая в России практика оборота ассигнаций, при которой их количество определялось величиной бюджетных платежей и финансовых потребностей правительства, приводила к значительному росту инфляции. Денежные кризисы может сдерживать только банковская система. Помещение изъятых из оборота денежных знаков в государственные ценные бумаги при формировании *кредитного портфеля Госбанка* является, по мнению В.П. Безобразова, единственной мерой, подготавливающей переход к банковской системе.

Обратим внимание, что среди сторонников количественного и банковского подходов не было единства во взглядах. Различия определялись выбором ведущего кредитно-денежного института. Количественные аргументы Н.И. Тургенева и М.М. Сперанского были сформулированы экономистами, находящимися по разные стороны «баррикад». В первом случае свободная миграция денег на мировом рынке (с учетом законов рыночного спроса) серьезно ограничивала эмиссионные возможности правительства. Версия новых кредитных денег во втором проекте (с использованием количественных и кредитно-денежных инструментов) предполагала расширение государственных хозяйственных инициатив. Н.И. Тургенев считал государственный кредит решающим фактором развития инфляции, поэтому писал о важности «либерализации» коммерческих интересов. В программе М.М. Сперанского-Е.Ф. Канкрин во главу угла были поставлены потребности государственного бюджета. В.П. Безобразов и И.И. Кауфман, сторонники введения кредитных денег, отмечая положительные стороны банковской системы, рассматривали коммерческий портфель Госбанка в качестве гибкого инструмента финансовой политики правительства.

Принципы количественного и кредитно-денежного подходов получили интересное теоретическое развитие и практическое воплощение во второй половине XIX в. в связи с разработкой программы денежной реформы 1895-1897 гг. в России. Финансовые запросы представителей крупного капитала, с одной стороны, и не-

обходимость сохранения государственно-правовых установлений в сфере экономики и внешней политики, с другой стороны, определяли ключевые положения концепции государственных кредитных денег, контуры которой были обозначены в программе М.М. Сперанского- Е.Ф. Канкрин. Крупные российские экономисты второй половины XIX в., сторонники введения кредитного рубля на золотой основе, считали необходимым создание эластичной денежной системы.

Известный экономист, министр финансов России (1881-1886 гг.) Н.Х. Бунге укрепление денежной системы и восстановление металлической основы представлял как результат совместных усилий правительства и представителей частного кредита. Среди инструментов сдерживания курсовых колебаний кредитного рубля он выделяет методы *валютного регулирования, консолидации государственного внутреннего беспроцентного долга* под обеспечение *кредитного портфеля* Госбанка (Бунге, 1880).

Характер новой кредитно-денежной системы, ее структуру рассмотрел крупный специалист в сфере финансов и кредита И.И. Кауфман, принимавший участие в разработке программы денежной реформы 1895-1897 гг. Он отмечал, что эластичность денежной системы складывается при условии, что кредитные билеты получают возможность реагировать на рыночную конъюнктуру с помощью кредитного портфеля Госбанка, не отрываясь от твердой «почвы» в налогах. В этом случае появится возможность регулировать излишние денежные массы, извлекая их из кредитного портфеля в период экономического подъема.

Подчеркивая стратегическое значение финансовой самостоятельности страны, И.И. Кауфман выделял следующие ее критерии: ресурсы внутреннего займа (возможности экстраординарных финансов), сохранение финансового резерва и доверие населения к кредитному рублю. Слабость кредитно-денежной политики правительства И.И. Кауфман видел в неумении *предоставить миллионам дополнительно выпущенных кредитных рублей, производительного занятия* (Назарова, 2005. С. 685-688). Укрепить курс кредитного рубля, по мнению ученого, можно только одним способом: «...увеличивая власть правительства над ними...» и поколебав страх за их ценность (Кауфман, 1888. С. 370).

Взгляды А.Я. Антоновича, товарища министра финансов России (1893-1895 гг.), выступившего с идеей «мелиоративного кредита», носили компромиссный характер. По его мнению, дополнительная эмиссия бумажных денег приведет к промышленному оживлению в народном хозяйстве (Антонович, 1883). Поддерживая идею развития предпринимательства за счет открытия целевого кредита в частных банках (в сельском хозяйстве и промышленности), он допускал мониторинг ситуации не только со стороны частных банков, но и государственных институтов (Назарова, 2019. С. 134).

Предложения А.Я. Антоновича были встречены многими экономистами критически, так как расширение частного кредита увеличивало риск появления неконтролируемых денежных потоков. Кредит, как сильнейший инструмент перераспределения богатств, отмечал А.Н. Миклашевский, может быть весьма опасным, поэтому его развитие должно совершаться по мере *реального накопления капиталов*. Искусственные кредиты не создают истинной предприимчивости: банки в этом случае будут чисто спекулятивным путем влиять на перераспределение богатств. Эластичностью своего приспособления к потребностям рынка кредит-

ные билеты только страхуют нас *от колебаний в стоимости монетного запаса* (Миклашевский, 1895. С. 512).

Характеризуя взгляды лидеров «банковской школы», А.Н. Миклашевский относил теорию сторонников Т. Тука к разряду «математических абстракций»: они упустили из виду, что искусственные в кредитно-денежных манипуляциях банкиры смогут искусственно расширять предложение банкнот. Денежное обращение должно иметь руководителя, а банки – контролирующую их организацию, так как «пределы свободы связаны с культурным развитием народа...» (Миклашевский, 2012. С. 189).

Обсуждение ключевых положений количественного и кредитного подходов, несмотря на их различия, привело к формированию «*общего концептуального поля*», на котором в ходе дискуссий, с учетом аргументов количественной и кредитной теорий, вырабатывались принципы российской модели государственных кредитных денег. В создании модели и согласовании разночтений принимали участие ведущие представители альтернативных позиций.

Модель государственных кредитных денег как попытка согласования интересов частных и государственных институтов

В российской модели государственных кредитных денег фиксировались особенности отечественной экономики, для которой было характерно использование инструментов регулирования капиталистического рыночного обмена в условиях сохранения ведущей роли государственных институтов. Теоретический интерес к проблеме кредитного обращения в российской экономической литературе возник в силу ряда объективных причин. Во-первых, значительные потери национального богатства во время Крымской войны привели к снижению курса кредитного рубля. Во-вторых, в 60-80-е гг., несмотря на сохранение феодально-правовых отношений собственности, в стране шли интенсивные процессы хозяйственной трансформации. Рост фабрично-заводского производства, появление первых картелей, хозяйственная инициатива мелких предпринимателей в пореформенный период требовали расширения возможностей коммерческого кредита.

Модель государственных кредитных денег, первые принципиальные положения которой были сформулированы в период подготовки денежной реформы 1839-1843 гг., в новых хозяйственных условиях «*достраивалась*» с учетом требований эластичности, т.е. способности быстрого приспособления к фазам промышленного цикла и рыночной конъюнктуре. В результате реформы 1895-1897 гг. новая денежная система, в которой были критически переработаны рекомендации количественного и кредитного подходов с учетом требований российской действительности, приобрела следующую структуру, которая включала:

- «безопасную» часть беспроцентного государственного долга, как гибкую кредитно-денежную надстройку;
- кредитный портфель Госбанка, который, с учетом фаз промышленного цикла и с целью согласования интересов частного и государственного капиталов, расширял или сокращал денежную массу с помощью кредитных операций;
- «почву» в налогах и
- металлический разменный фонд – основу кредитно-денежной «пирамиды» в условиях действия золотого стандарта.

Допускалось использование таких инструментов регулирования денежного обращения, как фидуциарная эмиссия (расширение возможностей государственного кредита в чрезвычайных ситуациях). Величина «безопасной» части беспроцентного государственного долга приравнивалась к сумме доходов ординарного бюджета за три месяца, под который в России обычно выдавали торговые обязательства. Размеры *металлического разменного фонда* значительно отличались по странам: это было связано с особенностями народного хозяйства, соотношением частного и государственного кредита, доверием населения. *Кредитный портфель Госбанка* (согласно программе реформирования) включал денежные массы, изъятые из оборота (Назарова, 2005. С. 685-688).

Рассматривая особенности новой денежной системы, отметим, во-первых, что она приобрела достаточную гибкость. Появилась возможность ситуационного регулирования денежных масс с помощью кредитного портфеля Госбанка, получившего право проводить свои операции на рынках ценных бумаг в качестве самостоятельного института. Кредитный портфель формировался за счет сокращения государственного внутреннего беспроцентного долга путем перевода его в «консолидированный процентный». Эти операции носили кредитный характер, так как проводились с учетом рыночной конъюнктуры. Однако деятельность Госбанка была поставлена законом в определенные рамки: в первую очередь эти ограничения касались интересов государственной кредитно-денежной политики. Во-вторых, такие элементы новой денежной системы, как «безопасная» часть беспроцентного государственного долга, «почва» в налогах и возможность фидуциарной эмиссии представляли положения количественного подхода, которые были взяты за основу в реформе М.М. Сперанского-Е.Ф. Канкринна.

Факторы развития инфляции: количественный подход А.А. Исаева

В конце XIX – начале XX вв. с анализом причин роста инфляции с точки зрения количественного подхода выступил профессор политической экономии и финансового права Демидовского лицея, приват-доцент Петербургского университета, известный экономист и статистик *Андрей Александрович Исаев* (1851-1924 гг.).

Как специалист в области теории денег и экономических кризисов, он в первую очередь исследует изменение количественных пропорций обмена, сопоставляя увеличение товарных и денежных масс. Среди причин, приводящих к снижению курса кредитного рубля, А.А. Исаев на первое место поставил кредитно-денежные факторы, к которым относит: насыщение хозяйственного оборота металлической монетой, увеличение скорости оборота денег, развитие кредита и практики клиринговых расчетов, финансовую политику государства.

Сложившуюся в начале XX века тенденцию роста цен, считает ученый, можно объяснить с помощью количественного подхода: «цены товаров зависят, как известно, от условий их производства и обмена. Последние касаются суммы денег, находящихся в обороте, и быстроты их обращения» (Исаев, 1912. С. 19).

«Учащение пульса» хозяйственной жизни и рост цен, считает ученый, происходит вследствие увеличения *общей массы денег в обмене и появления заместителей денег*. Финансовая политика государства и монополий усиливают эту тенденцию, многократно увеличивая предложение денежных масс.

Во-первых, сопоставляя прирост монетарной массы в 1907 г. по сравнению с серединой XIX в., он приводит следующие данные об их росте: добыча серебра составила 5.754.732 кг (против 886.615 кг); добыча золота – 617.748 кг (против 54.759 кг). Общий запас денег на 1 января 1900 г. составил 9.413.716.000 руб. золотом и 7.426.381.000 руб. серебром. Учитывая, что не весь добытый благородный металл мог использоваться в хозяйственном обороте, то денежное обращение увеличилось, примерно, на $\frac{2}{3}$.

Во-вторых, в начале XX века процессы концентрации капитала приводят к усилению контроля над хозяйственными процессами со стороны крупных банковских союзов. Развитие кредита и клиринга стало второй причиной снижения курса рубля: «не будь расчетных палат, понадобилось бы немало лишних миллионов деньгами, дабы удовлетворить все требования, предъявляемые к взаимному зачету» (Исаев, 1912. С. 24). В качестве третьего фактора стремительного роста цен А.А. Исаев отмечает развитие транспорта, чрезвычайно ускорившее оборачиваемость денег. Например, появление железных дорог увеличило число оборотов розничных торговцев в 2,5 раза.

Количественные факторы роста цен многократно усиливаются под влиянием технического прогресса, подчеркивает А.А. Исаев. Он обращает внимание, что замещение ручного труда в результате развития технического прогресса не замедляет роста цен. Причина этого явления заключается в том, что рост объемов производства отстает от увеличения денежной массы (включая кредитные и клиринговые расчеты). Этот вывод ученый подтверждает данными статистики. Выпуск продукции на рубеже XIX – XX вв. в двух наиболее важных отраслях промышленного производства – хлопчатобумажной промышленности и добыче железной руды в семи ведущих странах мира (США, Франции, Англии, Германии, Испании, России, Швеции) вырос в три раза. Следовательно, приходит к выводу А.А. Исаев, «...в пределах мирового хозяйства каждой сотне рублей, как средству платежа, противостоит меньше товаров, нежели раньше. Это и должно было привести к повышению цен» (Исаев, 1912. С. 26-27).

Финансовые и общеэкономические факторы роста цен А.А. Исаев включает во вторую группу причин развития инфляции. Он отмечает, что чрезвычайные расходы в России во второй половине XIX – начале XX вв. значительно увеличивали денежную массу. Значение количественных показателей инфляции возрастает в связи с ростом бюджетных расходов и изменением структуры бюджета, в котором увеличиваются косвенные налоги и военные расходы. А.А. Исаев критикует таможенный тариф за высокие налоговые ставки, содействующие повышению цен.

В разряд общеэкономических факторов роста цен ученый включает урбанизацию и вздорожание недвижимости, ценовую политику монополий и «перемены в потребностях и складе жизни», т.е. рост спроса различных слоев общества на новые предметы обихода. Резюмируя свой анализ факторов инфляции, А.А. Исаев пишет, что «задача науки – привести явление к тому началу, которое наиболее объективно...» (Исаев, 1896. С. 378).

Как встретили новую денежную систему в России и за рубежом?

Этапы хозяйственной эволюции оказывали влияние на состояние денежной системы и денежной политики страны. Изменения отношений собственности, роли

частного и государственного кредита, фиксировались в теориях денег, подчеркивая актуальность поиска новых инструментов денежного регулирования рынка.

Работа над программой обновления отечественной денежной системы открывала в теории слабые и сильные стороны бумажного и кредитно-денежного обращения. Были сформулированы понятия государственного кредита, выделены его формы (*внутреннего беспроцентного и консолидированного процентного займов*), проанализирована их роль в стимулировании экономического роста. Рассматривались перспективы расширения частного кредитного сектора. Понятие «*государственные кредитные деньги*», впервые появившееся в письме М.М. Сперанского к Е.Ф. Канкрину (1839 г.), возникло на «пересечении» интересов рыночного и государственного хозяйства. Название подчеркивало особую роль государственного кредита в экономике страны, в которой, несмотря на формирование капиталистического уклада, сохранялась ведущая роль государственных институтов. Модель государственных кредитных денег сохраняла монополию государства в денежном хозяйстве, включала финансово-кредитные рычаги регулирования конъюнктуры (Назарова, 2020а. С. 252-254). Общее «концептуальное поле» новой программы формировалось с учетом вклада лидеров, представлявших различные концепции денег.

Российские ученые второй половины XIX в. (В.П. Безобразов, И.И. Кауфман, А.Н. Миклашевский, М.И. Туган-Барановский и др.) в работах, посвященных исследованию промышленных циклов, подчеркивали, что денежные «допинги» в чрезвычайных ситуациях, не подкрепленные ростом производительных сил, усиливали краткосрочный экономический бум, приближая глубокий кризис. Результатом политики дополнительных эмиссий в долгосрочном периоде становились глубокие структурные изменения в народном хозяйстве, вызванные сокращением производства в базовых отраслях промышленности.

Немецкий экономист А. Вагнер считал восстановление металлического обращения в России весьма своевременным, с одобрением отмечая целесообразность расчетной нормы нового кредитного рубля (1 руб. зол. = 1,5 руб. кредитных). Его критические замечания касались лишь практических мер реформирования: А. Вагнер предлагал отказаться от введения т.н. «хромой» валюты (параллельном обращении золотого рубля и разменной серебряной монеты) в пользу «чистой» золотовалютной системы.

Известный немецкий экономист В. Лексис, положительно оценивая программу С.Ю. Витте, обращал внимание на важность полного погашения задолженности казначейства Госбанку. Только в этом случае появится возможность придания обесценившимся кредитным билетам банковского обеспечения. Французский экономист П. Леруа-Болье, ознакомившись с проектом денежной реформы благодаря материалам, переданным ему агентом министерства финансов России в Париже А. Рафаловичем, приветствовал переход страны к золотой валюте и возвращение к металлическим платежам. Он отмечал важность стабильной торговой политики и доверия населения в ходе денежной реформы.

Переход к системе золотого стандарта повышал заинтересованность отечественных и иностранных инвесторов и представителей крупного финансового капитала в создании новых предприятий и банков в России. С проектом учреждения в Петербурге Металлического банка с уставным капиталом 50 млн рублей

золотом выступил представитель российского министерства финансов во Франции И.Ф. Цион. Идею создания банка поддерживали, по его признанию, «первые капиталисты Франции» с миллиардными капиталами, конкурировавшие с берлинской финансовой группой (Цион, 1896). План И.Ф. Циона был лоббированием интересов синдиката французских банкиров.

Проблема поиска новых финансовых ресурсов для погашения бюджетных дефицитов усиливала звучание аргументов номиналистического характера. Российский лидер абстрактного номинализма С.Ф. Шарапов считал реформу финансовым банкротством. Абстрагируясь от проблем инфляции и роста цен, он подчеркивал, что слабая бумажная валюта отвечает интересам государства и усиливает конкурентные позиции страны на мировом рынке, по сравнению с крепкой валютой. Г.В. Бутми, защищая идею биметаллизма (в интересах экспортеров товарного хлеба), объяснял резкое снижение ценности серебра сокращением спроса на него со стороны государства, подчеркивая, что именно государство сообщает наибольшую ценность благородной монете (Назарова, 2019. С. 134).

А.Д. Нечволодов, экономист, историк, военный и общественный деятель, выступая против введения системы золотого стандарта в России выделил следующие ее негативные последствия. Во-первых, выплаты внешнего долга золотом в 1,5 раза увеличили абсолютные размеры бюджетных расходов (с 3 до 4,6 млрд руб. в 1897 г.). Во-вторых, меры правительства, направленные на увеличение экспорта хлеба (с 571 до 902 млн руб. в 1903 г.) разорили значительную часть сельского населения. В-третьих, ежегодный прирост добычи золота в мире, равный 300 млн руб., усиливает долговую зависимость ряда стран, равную 1,5 млрд руб. золотом (Нечволодов, 1906. С.7, 13). А.Д. Нечволодов пришел к следующему заключению: с введением золотой валюты финансовый капитал энергично включает в сферу своих интересов и ставит в прямую финансовую зависимость хозяйственное развитие многих стран мира.

Десять лет спустя, рассматривая мотивы перехода к системе золотого стандарта, профессор Петербургского университета П.П. Мигулин, взвешивая результаты реформы, сформулировал принципы «правильной финансовой политики», которые отличаются от задач частной конкуренции. Во-первых, накопление – это результат деятельности частных хозяйств. Во-вторых, основой финансового благополучия страны является принудительное отчуждение части материальных ценностей. В силу этих различий часть доходов (сверх ординарных расходов) правительство должно возвращать народу, пуская в оборот, поэтому огромную роль в развитии производительных сил страны играет государственный кредит. Этот подход ученый называет принципом «социального принуждения».

Введение золотого обращения, которое сопровождалось накоплением значительных резервов золота в Государственном банке и придавало денежной реформе, по выражению П.П. Мигулина, «особый блеск и рекламу», является крупной заслугой С.Ю. Витте. Профицитный бюджет в начале XX века был бы невозможен без притока иностранных инвестиций.

Однако критически оценивая «профицитный» оптимизм министерства финансов под руководством С.Ю. Витте, П.П. Мигулин писал, что если бы все доходы бюджета направить на погашение зарубежных кредитов казначейства, то «...остановилась бы вся промышленная жизнь страны» и из обращения ушли бы

все денежные знаки и оборотные капиталы (Мигулин, 1907. С. 1024). Профицит, замечает П.П. Мигулин, является результатом искусственных мер, благодаря использованию известного приема «маскировки бюджетного дефицита»: сооружением сети казенных дорог, выкупом в казну частных дорог и включением их в валовой доход страны. Значительная часть бюджетных поступлений является результатом «...кредитных операций, остальные играют в чрезвычайном бюджете совершенно ничтожную роль...» (Мигулин, 1907. С. 1031).

Как правило, наиболее острые дискуссии о принципах денежного обращения проходят в моменты кризиса хозяйственной системы, обнаруживая глубокую связь экономической теории и действительности. Теоретический кризис «...имеет дискретную, периодическую форму движения...», проявляя себя в моменты «плохой конъюнктуры» (Худокормов, 2021. С. 116). Отметим, что идеи приверженцев рыночного консерватизма по-прежнему не допускают действия государственных институтов на «территории» свободного рынка. Государственное регулирование считается нарушением законов рыночного обмена. Экономическая теория в данных обстоятельствах, по убеждению современного немецкого историка экономической мысли Й. Цвайнерта, развиваться не может, так как «язык» экономической подсистемы – «цены» (Цвайнерт, 2007. С. 361).

Мы считаем, что альтернативные теории денег в момент кардинальных изменений денежной системы, вскрывая характер взаимодействия интересов государства и частного бизнеса, определяя их «весовые категории» в момент утверждения новой модели, углубляли представление о народном хозяйстве, как едином комплексе. Успешность движения между кредитно-денежными препятствиями, как между Сциллой и Харибдой, предопределяет стабильность денежной системы.

Дискуссии о ценности и функциях денег, выбор количественного или кредитного «рецепта» оздоровления денежной системы, инструментов государственного регулирования рыночной конъюнктуры способствовали включению в макроэкономический анализ проблем кредитно-денежного обращения в период развития кризиса и в условиях военного хозяйства в начале XX века.

ЛИТЕРАТУРА

Антонович А.Я. (1883). Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты. Киев: университетская типография И.И. Завадского. – 262 с.

Бунге Н.Х. (1880). Заметка о настоящем положении нашей денежной системы и средствах к ее улучшению. СПб.: Типография В. Безобразова и К. – 42 с.

Исаев А.А. (1896). Начала политической экономии. СПб.: типография М. Стасюлевича. – 728 с.

Исаев А.А. (1912). Чем объяснить вздорожание жизни? Как бороться с ним? СПб.: типо-литография Шредера. – 50 с.

Катасонов В. (2014). Бреттон-Вудс: ключевое событие новейшей финансовой истории. М.: Издательский дом «Кислород». – 352 с.

Кауфман И.И. (1888). Кредитные билеты, их упадок и восстановление. СПб.: типография В.С. Балашова. – 393 с.

- Мануйлов А.А.* (1918). Учение о деньгах. Специальный курс политической экономии. М.: Издание книжного магазина «Высшая школа». – 140 с.
- Мигулин П.П.* (1907). Русский государственный кредит (1769-1906). Т. 3. Харьков: Печатное Дело. С. 1024.
- Миклашевский А.Н.* (1895). Деньги. М.: Университетская типография – 729 с.
- Миклашевский А.Н.* (2012). Денежный вопрос в экономической литературе и в явлениях действительной жизни. Изд. 2. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». – 224 с.
- Назарова И.А.* (2005). Илларион Игнатьевич Кауфман. Т. 3. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5-ти томах. Отв. ред. А.Г. Худокормов. М.: Мысль. С. 684-689.
- Назарова И.А.* (2019). Роль денежных инструментов в чрезвычайных экономических ситуациях. Исследования российских экономистов начала XX столетия // Вестник университета. № 7. С. 132-138.
- Назарова И.А.* (2020а). Конъюнктурная теория денег и промышленных кризисов М.И. Туган-Барановского (к 100-летию памяти ученого) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. С. 243-262.
- Назарова И.А.* (2020б). Проблемы промышленных кризисов (экономико-исторический опыт анализа). Монография. М.: ИНФРА-М. – 167 с.
- Нечволодов А.Д.* (1906). От разорения – к достатку. СПб.: типография штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа. – 45 с.
- Сперанский М.М.* (1895). Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрин. СПб.: Типография В. Киришбаума. – 32 с.
- Туган-Барановский М.И.* (1919). Бумажные деньги и металл. Одесса: Русская культура. – 132 с.
- Тургенев Н.И.* (1819). Опыт теории налогов. Изд. 2. СПб.: Типография Н. Греча. – 326 с.
- Федорович Л.В.* (1888). Теория денежного и кредитного обращения. Одесса: Типография «Одесский вестник». – 629 с.
- Худокормов А.Г.* (2021). Новые данные о «третьем кризисе» экономикс // Вопросы политической экономии. № 1 (25). С. 103-125.
- Цвайнерт Й.* (2007). История экономической мысли в России. 1805-1905. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. – 409 с.
- Цион И.Ф.* (1896). С.Ю. Витте и его проекты злостного банкротства пред Государственным Советом. Лейпциг: типография А. Приса. – 80 с.

Irina A. Nazarova¹

THE DEVELOPMENT OF QUANTITATIVE
AND CREDIT-MONETARY APPROACHES IN THE RUSSIAN
ECONOMIC LITERATURE OF THE NINETEENTH CENTURY
(ON THE 170TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH
OF A.A. ISAEV)*

Keywords: *quantitative theory of money, credit theory of money, gold standard, paper money, commercial portfolio of the State Bank, model of state credit money.*

This article examines quantitative and credit-monetary approaches in nineteenth-century Russian and foreign literature. Its analysis of the theoretical works of N.I. Turgenev, M.M. Speransky, V.P. Bezobrazov, I.I. Kaufman, A.Ya. Antonovich, A.A. Isaev, A.N. Miklashevsky, P.P. Migulin and other Russian economists shows that among the supporters of quantitative and credit-monetary concepts, a divergence of views occurred with relation to the tools and main institutions of the regulation of exchange. The author investigates the structure and key positions of the Russian model of state credit money. This model arose at the point where the interests of the subjects of the market and of the state economy “intersected” during the period of economic evolution and of the growth of capitalist production, at the same time as the institutions of feudal law were preserved. The conclusion is reached that theories of money serve to deepen our understanding of the mechanisms of market exchange during a period marked by intensive searches for a new type of monetary system.

REFERENCES

Antonovich A.Ya. (1883) The theory of paper and money circulation and state credit cards. Kiev: I.I. Zavadsky: Printing house. – 262 p. (In Russ.).

Bunge N.H. (1880) A note on the present situation of our monetary system and the means to improve it. St. Petersburg: Printing house V. Bezobrazova and Co. – 42 p. (In Russ.).

¹ **Irina Aleksandrovna Nazarova**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Management Technologies «MIREA-Russian Technological University», Moscow, Russia (*mitht.ira@yandex.ru*).

***JEL codes:** B10, B25, B52.

Citation: Nazarova I.A. (2021). The development of quantitative and monetary approaches in the Russian economic literature (To the 170th anniversary of A.A. Isaev) // *Problems in Political Economy*, № 3 (27): 137-153.
DOI: 10.5281/zenodo.5554129 (<https://zenodo.org/record/5554129>)

- Fedorovich L.V.* (1888) The theory of monetary and credit circulation. Odessa: Printing house «Odessa Bulletin». – 629 p. (In Russ.).
- Isaev A.A.* (1896) The beginnings of political economy. St. Petersburg: Printing house M. Stasyulevich. – 728 p. (In Russ.).
- Isaev A.A.* (1912) How to explain the rise in price of life? How to deal with it? Saint Petersburg: tipo-lithography The Shredder. – 50 p. (In Russ.).
- Katasonov V.* (2014) Bretton Woods: a key event in recent financial history. Moscow: PublishingHouse «Oxygen». – 352 p. (In Russ.).
- Kaufman I.I.* (1888) Credit cards, their decline and recovery. St. Petersburg: printing house of V.S. Balashov. – 393 p. (In Russ.).
- Khudokormov A.G.* (2021) New data on the «third crisis» of the economics // Questions of political economy. № 1 (25). Pp. 103-125. (In Russ.).
- Manuilov A.A.* (1918) The doctrine of money. Special course of political economy. M.: Publication of the bookstore «Higher School». – 140 p. (In Russ.).
- Migulin P.P.* (1907) Russian State Credit (1769-1906). Vol. 3. Kharkiv: Printing Business. P. 1024. (In Russ.).
- Miklashevsky A.N.* (1895) Money. M.: University printing house. – 729 p. (In Russ.).
- Miklashevsky A.N.* (2012) The money question in the economic literature and in the phenomena of real life. 2nd edition. Moscow: Book House «LIBROCOM». – 224 p. (In Russ.).
- Nazarova I.A.* (2005) IllarionIgnatievich Kaufman / World Economic Thought. Through the prism of centuries. In 5 volumes. Vol. 3. / Editor A.G. Khudokormov. M.: Mysl. Pp. 684-689. (In Russ.).
- Nazarova I.A.* (2019) The role of monetary instruments in emergency economic situations. Studies of Russian economists of the early twentieth century // Bulletin of the University. № 7. Pp. 132-138. URL: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-7-132-138>.
- Nazarova I.A.* (2020a) Conjuncture theory of money and industrial crises by M.I. Tugan-Baranovsky (to the 100th anniversary of the scientist's memory) // Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics. № 4. Pp. 243-262.
- Nazarova I.A.* (2020b) Problems of industrial crises (economic and historical experience of analysis): Monograph. M.: INFRA-M. – 167. (In Russ.).
- Nechvolodov A.D.* (1906) From ruin to prosperity. – St. Petersburg, type. of the headquarters of the Guard troops and the St. Petersburg Military District. – 45 p. (In Russ.).
- Speransky M.M.* (1895) A note on the coin circulation of Count Speransky with comments by Count Kankrin. St. Petersburg, Printing house V. Kirshbaum. – 32 p. (In Russ.).
- Tugan-Baranovsky M.I.* (1919) Paper money and metal. Odessa: Russian culture. – 132 p. (In Russ.).
- Turgenev N.I.* (1819) Experience in the theory of taxes. 2nd edition. St. Petersburg, Printing house N. Grech. – 326 p. (In Russ.).
- Zion I.F.* (1896) S.Y. Witte and his projects of malicious bankruptcy before the State Council. Leipzig: Printing house A. Prisa. – 80 p. (In Russ.).
- Zweinert J.* (2007) The history of economic thought in Russia. 1805-1905. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. – 409 p. (In Russ.).